

Василий Авсеенко

Нужна ли нам литература?

Василий Григорьевич Авсеенко

Нужна ли нам литература?

«Понятія которыми питается и руководится наша современная журналистика настолько спутаны и полны противорѣчій что самые элементарные вопросы, какъ напримѣръ: нужна ли намъ литература въ смыслѣ высшаго духовнаго творчества? – не могутъ назваться рѣшенными и слѣдовательно излишними. Пуганица понятій доходитъ до того что самое слово литература утратило опредѣленное значеніе, и каждый толкуетъ его сообразно умственному уровню на которомъ стоитъ и направленію литературнаго прихода къ которому принадлежитъ. Въ то время какъ одни считаютъ литературу совокупностью общественныхъ идей и выраженіемъ народнаго самосознанія въ данный моментъ развитія, другіе понимаютъ подъ этимъ словомъ всякую журнальную и газетную дребедень и не отличаютъ писателя выносившаго въ себѣ извѣстное міросозерцаніе отъ литератора-обывателя, обличившаго въ анонимной корреспонденціи одну изъ буквъ русскаго алфавита...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко**

Нужна ли намъ литература?

А. С. Пушкинъ: Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. С.-Петербургъ, 1873 года. – Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. А. Н. Пыпина (Вѣстникъ Европы).

«Русскій Вѣстникъ», № 5, 1873

Понятія которыми питается и руководится наша современная журналистика настолько спутаны и полны противорѣчій что самые элементарные вопросы, какъ на примѣръ: нужна ли намъ литература въ смыслѣ высшаго духовнаго творчества? – не могутъ назваться рѣшенными и слѣдовательно излишними. Путаница понятій доходитъ до того что самое слово литература утратило опредѣленное значеніе, и каждый толкуетъ его сообразно умственному уровню на которомъ стоитъ и направленію литературнаго прихода къ которому принадлежитъ. Въ то время какъ одни считаютъ литературу совокупностью общественныхъ идей и выраженіемъ народнаго самосознанія въ данный моментъ развитія, другіе понимаютъ подъ этимъ словомъ всякую журнальную и газетную дребедень и не отличаютъ писателя выносившаго въ себѣ извѣстное

міросозерцаніе отъ литератора-обывателя, обличившаго въ анонимной корреспонденціи одну изъ буквъ русскаго алфавита. Одни полагають что задача литературы заключается въ непрерывномъ выпусканіи въ публику прогрессивныхъ и либеральныхъ взглядовъ и вполнѣ увѣрены что только тотъ писатель имѣетъ право на долговѣчность кто заявилъ въ своихъ произведеніяхъ претензію на замѣну существующихъ понятій новыми, причеиъ предполагается что всякое новое понятіе непременно лучше стараго, въ силу того что оно новое, а не старое; другіе даже и этого скромнаго требованія не обращаютъ къ писателю, но довольствуются видѣть въ печатномъ словѣ лишь пассивное отрицаніе всего того что въ предыдущій періодъ нашего развитія считалось необходимымъ элементомъ литературы. Послѣднее возрѣніе конечно не высказывается дидактически, но что оно руководитъ огромнымъ большинствомъ современныхъ журналистовъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, прослѣдивъ и сопоставивъ рядъ преобладающихъ явленій въ нашей печати. Никто, наприиѣръ, не высказываетъ яс-

но что талантъ долженъ быть преслѣдуемъ, какъ злѣйшій врагъ времени; но тѣмъ не менѣе мы видимъ что всякое талантливое имя въ литературѣ забрасывается грязью, а противъ новыхъ, только-что возникающихъ дарованій устраивается настоящая травля, полная необузданной злобы и ожесточенія. Никто изъ газетныхъ и журнальныхъ рецензентовъ не будетъ такъ смѣлъ чтобы высказать прямо что бездарность должна быть поощряема и возвеличиваема, но мы видимъ цѣлый рядъ такихъ поощреній и возвеличеній, дѣлаемыхъ какъ бы по сигналу, съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Въ одной тѣсной области беллетристики можно насчитать нѣсколько такихъ явленій за самыя послѣдніе годы: стоитъ вспомнить какъ усердно искала петербургская печать «перваго русскаго беллетриста», поочередно возводя въ это достоинство сперва г. Рѣшетникова, потомъ г. Глѣба Успенскаго, и наконецъ г. Куцевскаго. Такія явленія не могутъ быть случайными, и если мы не называемъ ихъ признакомъ времени, то только потому что въ этомъ случаѣ общество наше совершенно

разошлось съ критикой, и произведенія лелѣемыхъ печатью беллетристовъ спокойно лежатъ на книгопродавческихъ полкахъ.

Но оставимъ въ сторонѣ общество и обратимся исключительно къ печати. Протекающую въ ней струю, мы полагаемъ, весьма не трудно открыть, несмотря на то что господствующее въ современной журналистикѣ направленіе остерегается заявить себя опредѣленною программой. Мы указали на одно изъ преобладающихъ явленій нашей печати — ненависть къ таланту и стремленіе безмѣрно возвеличить бездарность или посредственность, если эти послѣднія выражаютъ отрицаніе выработанныхъ цивилизаціей приемовъ и принциповъ. Въ примѣненіи къ чисто литературнымъ фактамъ это направленіе выражается съ особенною очевидностью. Внимательный наблюдатель долженъ убѣдиться что беллетристъ воспитанный на вѣчныхъ законахъ искусства и владѣющій идеалами не можетъ разчитывать на благосклонность печати; и наоборотъ, писатель, отказавшійся отъ основныхъ требованій художественной литературы, ли-

шенный идеаловъ, вяжущій свои страницы изъ скучныхъ, каррикатурныхъ и далекихъ отъ природы сценъ, съ увѣренностью можетъ положиться на покровительство журналистики. Послѣдовательность и смѣлость современной критики въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія. Напримѣръ, общія требованья художественной литературы говорятъ что романъ долженъ представлять полное внутренняго и внѣшняго интереса развитіе драмы, служить живымъ и вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, изображать типы и характеры въ ихъ обусловленныхъ жизнью столкновеніяхъ и въ концѣ концовъ дѣйствовать воспитательно на читающую массу, указывая ей нравственные идеалы въ жизни или возбуждая въ ней честное негодованіе къ общественному злу. Конечно, ни одинъ изъ современныхъ критиковъ не сознается гласно и откровенно что онъ не признаетъ подобныхъ требованій; но достаточно чтобы романисту удалось удовлетворить хотя одному изъ этихъ требованій, и на него обрушится необузданная злоба и площадная брань. Явленіе это настолько укорре-

нилось въ нашей печати что въ ней образовался даже особый, условный языкъ, маскирующий направлѣніе критики и безъ сомнѣнія многихъ вводящій въ обманъ. На этомъ языкѣ богатство драматическаго интереса и внѣшняго содержанія называется дюмасовщиной[1] и осмѣивается, какъ поползновеніе польстить низшимъ вкусамъ полуобразованной публики; объективно-художественное и вѣрное натурѣ изображеніе характеровъ и типовъ подвергается глумленію, какъ результатъ безжизненнаго принципа: «искусство для искусства», причѣмъ автору дѣлается скромный упрекъ что что де по своему политическому развитію онъ стоитъ ниже наѣхавшаго на него рецензента; нравственная же и общественная тенденція автора или услужливо извращается до степени «инсинуаціи» и «литературнаго доноса», или просто обходится молчаніемъ, если сдѣлать изъ нея инсинуацію не представляется возможности. Такимъ образомъ публикѣ подносится сознательная ложь, и если этой лжи лишь немногіе вѣрятъ, то только потому что между печатью и обществомъ давно уже

въ вопросахъ литературныхъ произошелъ указанный нами разрывъ. Конечно, этотъ разрывъ спасаетъ и общество, и литературу; но можно ли назвать нормальнымъ такой порядокъ, при которомъ читающая масса, вмѣсто того чтобы находить въ критикѣ стоящаго впереди руководителя, принуждена собственными средствами бороться съ расточаемою ею растлѣвающею ложью?

Считаемъ излишнимъ указывать насколько отъ такого порядка страдаетъ сама литература, не только лишенная необходимаго средства критики между нею и публикой, но еще имѣющая въ критикѣ мстительнаго врага, сквозь брань и наговоры котораго писателю приходится пробиваться единственно силою таланта. При такомъ положеніи дѣла, когда писатель заранѣе можетъ быть увѣренъ что онъ не встрѣтитъ со стороны критики дружескаго привѣта, что онъ не услышитъ отъ нея ободряющаго и руководящаго слова, литературная дѣятельность утрачиваетъ свою заманчивую сторону, и путь писателя становится тернистымъ путемъ, на который можетъ подвинуть человѣка только непре-

одолима́я внутренняя потребность таланта или счастливое, къ сожалѣнію весьма рѣдко встрѣчающееся, безразличное отношеніе къ печатной брани и наругательствамъ.

Что мстительное преслѣдованіе талантовъ, журнальное кумовство и стремленіе возвеличить на счетъ истинныхъ дарованій всякую тенденціозную посредственность – не случайное явленіе, доказывается тѣмъ что такія отношенія къ таланту и художественному направленію не ограничиваются областью литературы, но дѣйствуютъ и въ болѣе обширной области искусства вообще. Знакомому съ происходящимъ въ нашихъ музыкальныхъ кружкахъ извѣстно что и тамъ совершается нѣчто въ высшей степени странное – обнаруживается стремленіе молодыхъ композиторовъ отрѣшиться отъ вѣчныхъ законовъ мелодіи и создать такую музыку въ которой диссонансы предпочитались бы гармоніи, а прозаическіе речитативы – пѣвучимъ аріямъ. Подобно тому какъ литературная критика требуетъ стиховъ безъ поэзіи, музыкальная требуетъ оперы безъ пѣнія, и художественная – картинъ и статуй безъ красоты.

Постоянному читателю газетъ извѣстно съ какою необузданностью проводится въ послѣднее время это требованіе въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ рецензіяхъ и какую музыку слушаетъ вслѣдствіе этихъ новыхъ антимузыкальныхъ принциповъ Петербургъ. Недавно, по поводу оперы г. Мусоргскаго: *Борисъ Годуновъ*, принципы эти были заявлены съ особенною настойчивостью. Диссонансъ чуть не провозглашенъ конечною цѣлью гармоніи, а г. Мусоргскій возвеличенъ не только превыше всѣхъ бывшихъ и нынѣшнихъ русскихъ композиторовъ, но и превыше Рихарда Вагнера, изъ подражанія которому возникла наша новая музыкальная школа, не замедлившая исказить неумѣлою утрировкой всѣ крайности нѣмецкаго композитора и не совладѣвшая съ дѣйствительно талантливыми сторонами его музыки. Ревность музыкальныхъ рецензентовъ дошла до того что по мнѣнію ихъ самый Пушкинскій текстъ, варварски искалѣченный либреттистами, «много выигралъ» вслѣдствіе геніальныхъ диссонансовъ г. Мусоргскаго. И все это говорилось не въ силу одного лишь

кумовства, а съ апломбомъ новооткрытой истины, съ самодовольствомъ дикаря, попирающаго основные принципы искусства и безмѣрно радующагося тому что вмѣсто недоступной ему красоты цѣлью художественнаго творчества ставится художественное безобразіе.

Преслѣдованіе красоты, поэзіи и вѣчныхъ, вѣками цивилизаціи выработанныхъ принциповъ искусства господствуетъ безраздѣльно и въ современной художественной критикѣ. Прислушайтесь къ неумѣреннымъ похваламъ и мстительной брани этой критики, и убѣдитесь что ненависть ко всякому свѣжему таланту, не принадлежащему къ извѣстному приходу, простирается не на одни только литературныя явленія, и что вопіющія несообразности въ отзывахъ печати, но могутъ быть объяснены лишь взаимными личными счетами. Обнаруживается какая-то общая, органическая потребность затоптать талантъ, насмѣяться надъ красотой, отнять премію у поэта и художника и отдать ее ремесленнику. Антихудожественнымъ направленіемъ проникаются

болѣе и болѣе произведенія даже даровитыхъ нашихъ художниковъ дурно-понятой реализмъ побуждаетъ ихъ бѣжать красоты и поэтичности и оживлять полотно какими-то мнимо-гражданскими мотивами. Не можемъ удержаться чтобъ и здѣсь не напомнить одинъ весьма крупный недавній фактъ. На послѣднюю годовичную выставку въ Академіи Художествъ поставлены были между прочимъ двѣ замѣчательныя картины: *Бурлаки* г. Рѣпина и *Грѣшница* г. Семирадскаго. Картины эти по своему направленію представляютъ двѣ крайнія противоположности: первая можетъ назваться продуктомъ тѣхъ идей которыя въ литературѣ создали романы и очерки г. Рѣшетникова; вторая исходитъ прямо изъ европейскихъ историческихъ понятій объ искусствѣ. Г. Рѣпинъ изобразилъ пустынный, некрасивый берегъ Волги, по которому группа бурлаковъ тянетъ свою пресловутую, нынѣ уже замѣненную пароходами, лямку. Типы бурлаковъ очень характерны, очень рельефны, хотя изодранность ихъ одеждъ и истомленность нѣкоторыхъ лицъ явно преувеличены. Но картины, въ смыслѣ цѣлостнаго

художественнаго произведенія, здѣсь нѣтъ. Это коллекція весьма хорошихъ этюдовъ, частью съ натуры, частью изъ головы, скомпонованная подъ впечатлѣніемъ стиховъ г. Некрасова и прозы г. Рѣшетникова, и не выразившая никакой художественной мысли, — потому что нельзя же назвать этимъ именемъ взятую на прокатъ изъ сомнительныхъ произведеній литературы идейку о тяжести бурлацкаго труда. Тѣмъ не менѣе, появленіе этой картины было привѣтствуемо печатью, какъ торжество реальной школы, и въ извѣстномъ журнальномъ лагерѣ учиненъ настоящій фестиваль. Одна распространенная газета даже прямо выразилась что картина г. Рѣпина превосходитъ рѣшительно все созданное до сихъ поръ русскою живописью — и эта крикливая, судорожная статейка весьма близко напомнила намъ нѣкогда раздававшіеся въ петербургской журналистикѣ крики о превосходствѣ романовъ г. Рѣшетникова надъ всѣмъ когда-либо явившимся въ русской литературѣ. Дѣйствительно, въ художественномъ смыслѣ г. Рѣшетниковъ и г. Рѣпинъ — родные братья,

и картина послѣдняго есть не болѣе какъ иллюстрація къ *Подлиповцамъ*; торжествуя направленіе выразившееся въ романахъ г. Рѣшетникова, извѣстная часть журналистики, чтобы сохранить послѣдовательность, должна была устроить фестиваль и по поводу *Бурлаковъ* г. Рѣпина. И не встрѣться этому художнику такого опаснаго соперника какимъ оказался для него г. Семирадскій, картина его безъ всякаго сомнѣнія стяжала бы пальму первенства на нынѣшней выставкѣ, и публика волею-неволею была бы принуждена участвовать въ устроенномъ въ честь ея фестивалѣ. Но случилось слѣдующее: не успѣла еще публика достаточно провѣрить на собственномъ впечатлѣніи геніальныя стороны этого произведенія, обязательно указанныя ей газетными рецензентами, какъ ня выставкѣ появилось другое произведеніе, разомъ опредѣлившее *Бурлакамъ* ихъ настоящее мѣсто въ искусствѣ и мгновенно сосредоточившее на себѣ все вниманіе, весь восторгъ публики. Это произведеніе было — *Грѣшница* г. Семирадскаго. Здѣсь не къ мѣсту было бы рассказывать содержаніе этой превосходной кар-

тины и анализировать ея техническія достоинства: многочисленная публика, тѣснившаяся предъ нею до конца выставки, безъ сомнѣнія оцѣнила ее съ тѣмъ вѣрнымъ чутьемъ которое общество наше по счастью еще сохранило въ себѣ, вопреки всѣмъ усиліямъ печати подавить и исказить художественные инстинкты образованной массы. Для нашей спеціальной цѣли достаточно будетъ оказать что картина г. Семирадскаго – произведеніе вполне художественное, задуманное и исполненное по законамъ искусства; что въ ней выразилась законченная мысль, что она воплощаетъ извѣстный художественный идеалъ. Здѣсь реализмъ, понимаемый въ смыслѣ вѣрнаго воспроизведенія природы, плодотворно сочетался съ высшею задачею искусства – возведеніемъ природы въ перль созданія. Все чаруетъ и ласкаетъ глазъ въ этомъ высокодаровитомъ произведеніи, начиная разнообразіемъ и красотою прелестныхъ женскихъ фигуръ и кончая разлитымъ по полотну солнечнымъ блескомъ и художественною красотою цѣлой композиціи; и въ то же время вы нигдѣ не найдете чтобы художникъ

жертвовалъ красотѣ правдою, чтобъ эту красоту онъ насильственно вызывалъ тамъ гдѣ въ дѣйствительности ей нѣтъ мѣста. Незримое вѣяніе поэзіи присутствуетъ въ этой картинѣ, и изучая ее, вы чувствуете что имѣете дѣло съ художникомъ *владѣющимъ идеалами*. Всего этого оказалось слишкомъ достаточнымъ для того чтобы картина г. Семирадскаго возбудила въ печати глумленіе и брань. Художественная критика устроившая фестиваль по поводу *Бурлаковъ* конечно не могла простить г. Семирадскому этого преслѣдованія высшихъ задачъ искусства, этого *владѣнія идеалами*. Она требуетъ чтобы въ душѣ художника было голо и гладко, чтобъ его мысль не возносилась выше газетной статьи или водевильнаго куплета, чтобъ его можно было свободно направлять къ служенію тѣмъ маленькимъ мнимо-гражданскимъ идейкамъ которымъ служить петербургская печать. И вотъ въ той самой газетѣ которая усмотрѣла въ *Бурлакахъ* нѣчто превосходящее все созданное до нихъ русскою живописью появилась о *Грѣшницѣ* статейка настолько невѣжественная что іудейское старозаконіе

названо въ ней язычествомъ (!!), и настолько беззащитная что г. Семирадскій сравненъ съ Оффенбахомъ, и іерусалимская *Грѣшница* потрясенная и просвѣтленная явленіемъ Христа – съ петербургскими Belle-Hélène.

Мы потому остановились на этихъ при-
скорбныхъ примѣрахъ, что они очень рельефно характеризуютъ то приниженіе понятій которое въ послѣдніе годы сдѣлалось какъ бы задачей извѣстной части нашей журналистики. Присутствіе идеаловъ, вѣрность неизмѣннымъ, элементарнымъ требованіямъ искусства, художественное творчество преслѣдуются во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности, какъ нѣчто въ высшей степени враждебное какимъ-то новымъ требованіемъ времени: таланты унижаются съ мстительною злобою и на мѣсто ихъ возвеличивается посредственность, охотно подчиняющаяся требованіямъ газетной моды и руководству невѣжественной критики – литературной, музыкальной и художественной. Въмѣсто дѣйствительныхъ дарованій возводятся на упраздненные пьедесталы крохотные талантики и даже просто бездарности – потому что

масса не можетъ жить безъ авторитетовъ, и когда рушатся старые, она требуетъ новыхъ. Удовлетворяя этой естественной потребности, тенденціозная печать спѣшитъ создавать эфемерныя, раздутыя репутаціи, обязательно подставляя ихъ въ отвѣтъ на роковой вопросъ: гдѣ уже дарованія этой новой школы, такъ самоувѣренно обрушившей свои удары на самыя свѣтлыя имена литературныя и художественныя?

Кромѣ этого роковаго вопроса, съ грѣхомъ пополамъ обходимаго возвеличеніемъ приходскихъ геніевъ, естественно представляется также болѣе общій вопросъ: во имя чего принижается и бракуется все талантливое явившееся въ нашемъ духовномъ творествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя требованія этого творчества, пріобрѣвшія историческія права гражданства не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ?

Если мы внимательно всмотримся въ то что ежедневно и ежемѣсячно говорится въ петербургской печати по литературнымъ и художественнымъ вопросамъ, сквозь всѣ извороты печатнаго слова мы разглядимъ что

приниженіе понятій, преслѣдованіе новыхъ талантовъ и такъ-называемое развѣнчаніе старыхъ совершается не во ими чего другаго, какъ узкаго, мелкаго журнализма, понимаемаго въ смыслѣ бездушнаго проповѣдыванія прогрессивныхъ идей и ежедневной борьбы за мелкіе, частные интересы. Конечно, ни одинъ изъ публицистовъ извѣстнаго лагеря не сдѣлаетъ откровеннаго признанія относительно руководящихъ имъ цѣлей: извѣстно какъ осторожно отмалчивается на этотъ счетъ петербургская печать; но сквозь извороты журнальной полемики и фразистаго либерализма не трудно разглядѣть что подкладкою всѣхъ такъ-называемыхъ высокихъ взглядовъ и разглагольствованій объ общественныхъ задачахъ служитъ именно усвоенное современною печатью узкое и мелочное поклоненіе журнализму. Небольшой разборъ одной журнальной статьи, къ которому мы сейчасъ обратимся, вполнѣ оправдаетъ нашу догадку.

Г. Пыпинъ давно уже занимается въ *Вѣстникѣ Европы* разработкой исторіи нашей литературы и общественности въ текущемъ

стольтіи – съ той точки зрѣнія которая подъ историческою критикою понимаетъ такъ-называемое развѣнчаніе и низведеніе съ пьедесталовъ. Эту точку зрѣнія г. Пыпинъ весьма усердно проводитъ въ наиболѣе распространенномъ петербургскомъ журналѣ, производя въ литературной и общественной исторіи новой Россіи такія же точно опустошенія какія его сотоварищъ по университету и по журналу, г. Костомаровъ, производитъ въ исторіи старой Руси. Коллекція развѣнчанныхъ русскихъ дѣятелей, благодаря этой дружной работѣ двухъ ученыхъ журналистовъ, обогащается съ каждымъ годомъ. Еще недавно г. Пыпинъ развѣнчалъ Карамзина, довольно неожиданно показавъ въ немъ ограниченнаго человѣка и крѣпостника; теперь онъ подвергаетъ той же операціи самое свѣтлое, самое дорогое въ нашей литературѣ имя – Пушкина. Повидимому есть что-то роковое въ этомъ движеніи, болѣе и болѣе овладѣвающимъ нашею журналистикой: разъ вступивъ на этотъ путь, кажется нельзя уже остановиться; по крайней мѣрѣ въ послѣдней статьѣ своей г. Пыпинъ, начавъ

низведеніемъ съ пьедестала Пушкина, съ цѣлью подложить его подъ ноги Гоголю, кончилъ тѣмъ что развѣнчалъ и самого Гоголя, чтобы бросить его подъ ноги г. Пыпину, взгляды котораго оказываются неизмѣримо шире и просвѣтительнѣе взглядовъ Пушкина и Гоголя. Приходится думать что оцѣнка литературныхъ, художественныхъ и общественныхъ идеаловъ прошлыхъ десятилѣтій съ высоты современнаго петербургскаго журнализма становится у насъ закономъ, на которомъ думаютъ утвердить новую критику.

Авторъ характеристикъ литературныхъ мнѣній (*Вѣстникъ Европы*, апрѣль), движимый желаніемъ оправдать Гоголя въ томъ что онъ оказывается ниже Пыпинскихъ возрѣній, складываетъ всю вину на Пушкина. Пушкинъ и его друзья виноваты въ томъ что Гоголь вышелъ въ своихъ произведеніяхъ недостаточно либераленъ; они привили ему консервативныя идеи своего кружка, поставили его въ близкія отношенія къ высшимъ сферамъ и подтолкнули издать *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. — «Онъ (Гоголь) считаетъ Пушки-

на своимъ учителемъ, горестно замѣчаетъ г. Пыпинъ; — его друзья — люди Пушкинскаго круга; среди ихъ онъ проводитъ свою жизнь; они считаютъ его своимъ — но тѣмъ не менѣе его дѣло выходитъ изъ ихъ умственнаго и общественнаго горизонта; поэтому самъ Гоголь, привыкшій смотрѣть ихъ глазами, и могъ не уразумѣть вполнѣ того смысла какой имѣли его произведенія для общественнаго развитія. Въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ Гоголь отчасти сохранялъ простыя патріархальныя традиціи, отчасти заимствовалъ взгляды Пушкинскаго круга, но въ своемъ творествѣ онъ уже былъ человекомъ новаго историческаго слоя. Его друзья изъ Пушкинскаго круга на первыхъ порахъ поняли высокій поэтическій талантъ Гоголя и его художественную силу — но они не поняли общественнаго значенія его произведеній, и потомъ отступились отъ нихъ, когда сдѣлалось ясно ихъ дѣйствіе на общество.»

Итакъ, Пушкинъ и друзья его, привѣтствовавъ художественное достоинство первыхъ произведеній Гоголя, отступились отъ него, когда обнаружилось дѣйствіе его са-

тиры на общество. Замѣчательно что объ этомъ знаетъ одинъ г. Пыпинъ, самъ же Гоголь не только никогда не подозрѣвалъ отступничества Пушкина, но считалъ его всегда лучшимъ своимъ другомъ, лучшимъ наслажденіемъ своей жизни. По полученіи извѣстїи о смерти Пушкина, онъ писалъ къ Плетневу. «Никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россїи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того чтобъ я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чемъ изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое – вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы.» Вотъ какія чувства питалъ Гоголь къ Пушкину до послѣднихъ дней своей жизни, и надо много просвѣщеннаго бездушїя, чтобы не понять этихъ отношеній великаго художника къ не менѣе великому учителю и другу.

Съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельство что и Пушкинъ вовсе не ограничился привѣтствїемъ первыхъ опытовъ Го-

голя, но слѣдилъ съ любовью и надеждой за его развивающимся талантомъ и поддерживалъ его литературную репутацію не только какъ другъ, но и какъ журналистъ. Извѣстно что въ *Современникѣ* Пушкинъ помѣстилъ чрезвычайно лестный отзывъ о Гоголѣ, по поводу втораго изданія *Вечеровъ на хуторѣ* и высказалъ большія надежды на счетъ будущаго развитія его дарованія. «Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался, говорится тамъ объ авторѣ *Вечеровъ*. — Онъ издалъ *Арабески*, гдѣ находится его *Невскій проспектъ*, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился *Миргородъ*, гдѣ съ жадностью всѣ прочли и *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и *Тараса Бульбу*, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.» Это было высказано въ *Современникѣ* менѣе чѣмъ за годъ до смерти Пушкина, когда великому поэту были уже знакомы въ ру-

кописи и *Ревизоръ*, и нѣкоторыя главы изъ перваго тома *Мертвыхъ душъ* — слѣдовательно когда общественный характеръ произведеній Гоголя и значеніе его сатиры опредѣлились для Пушкина вполнѣ.

Г. Пыпинъ, толкуя о Гоголевскихъ произведеніяхъ общественнаго значенія, безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду именно *Ревизоръ* и *Мертвыя души*. Отъ этихъ-то произведеній отшатнулись, по его свидѣтельству, Пушкинъ и его кружокъ. Между тѣмъ кому не извѣстно что именно *Ревизоръ* и *Мертвыя души* обязаны Пушкину своимъ происхожденіемъ, что оба эти сюжета даны Гоголю Пушкинымъ, и что именно Пушкинъ, а ни кто другой, постоянно убѣждалъ Гоголя перейти отъ легкихъ разказовъ и бытовыхъ очерковъ къ произведеніямъ болѣе серіознымъ и зрѣлымъ, то-есть такимъ за которыми г. Пыпинъ признаетъ общественное значеніе. Напомнимъ хотя-бы слѣдующія слова Гоголя въ одной изъ его записокъ. ...Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серіозно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе, и наконецъ, одинъ разъ, по-

слѣ того какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожь, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этою способностью угадывать челоѡка и нѣсколькими чертами выставлятъ его вдругъ всего, какъ живаго, съ этою способностью, не принятыя за большое сочиненіе: это просто грѣхъ!» – Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлятъ мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если-бы не принялся за *Донъ-Кихота*, никогда бы не занялъ того мѣста которое занимаетъ теперь между писателями; и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ никому другому; это былъ сюжетъ *Мертвыхъ душъ* (мысль *Ревизора* принадлежитъ также ему).

Приведенныя указанія, мы надѣемся, достаточно опровергаютъ увѣренія г. Пыпина о

какомъ-то зловѣщемъ вліяніи Пушкина на Гоголя; не болѣе состоятельно и его мнѣніе о дурномъ вліяніи Пушкинскаго кружка. Объ этомъ кружкѣ г. Пыпинъ отзывается съ крайнею язвительностью; онъ старается набросить на него какую-то придворную ливрею, которая, по мнѣнію его, мѣшала какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его относиться съ живымъ сочувствіемъ къ общественнымъ интересамъ. «Послѣ Пушкина, говоритъ онъ, его кружокъ еще менѣе заботился объ этихъ сочувствіяхъ, считая что литература въ ихъ смыслѣ, чисто поэтическая, совершенно консервативная, и есть настоящая литература, что другой не должно быть, или она будетъ извращеніемъ ея здравыхъ началъ. Такимъ образомъ, теорія чистаго искусства сходилась съ практическимъ отвращеніемъ кружка къ критикѣ дѣйствительности, а съ другой стороны, это нерасположеніе къ критикѣ становилось необходимостью для членовъ кружка по ихъ связямъ въ высшемъ кругу, при дворѣ.» – Въ тридцатыхъ, а еще болѣе въ сороковыхъ годахъ – говоритъ г. Пыпинъ въ другомъ мѣстѣ – друзья Пушкина, ставшіе дру-

зьями и покровителями Гоголя, были люди довольно высоко поставленные, вполне или отчасти придворные.... Литературные интересы принимали въ этихъ условіяхъ совсѣмъ особый характеръ: онъ сообщился вскорѣ и Гоголю. Кружокъ все болѣе и болѣе удалялся отъ главнаго теченія литературы. При Пушкинѣ – это начиналось враждой къ Полевому, къ Надеждину; въ сороковыхъ годахъ это окончилось враждой къ Бѣлинскому и всѣмъ писателямъ его направленія.»

Такимъ образомъ г. Пыпинъ различаетъ въ умственныхъ движеніяхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ обособившуюся литературу Пушкинскаго кружка, и подлѣ нея какое-то главное теченіе литературы... Друзья Пушкина, одѣтые въ придворную ливрею, будто бы отстранились отъ этого «главнаго теченія», и не только отстранились, не и преисполнились злобы и ненависти къ нему. На чемъ же основываетъ г. Пыпинъ свое мнѣніе объ уединенномъ положеніи Пушкинскаго кружка, и въ особенности о томъ что не Пушкинская литература представляла главное литературное теченіе?

Здѣсь очевидно авторъ «характеристикъ» впалъ въ то самое недоразумѣніе на которое мы указывали въ началѣ этой статьи, говоря о смѣшеніи понятій. литературы и журнализма. Г. Пыпинъ чувствуетъ что съ конца тридцатыхъ годовъ народилось новое явленіе, представленное въ то время Полевымъ, Надеждинымъ и наконецъ Бѣлинскимъ, что это новое явленіе выдѣлилось изъ старой литературы, но не въ состояніи понять что выдѣлившись, оно могло существовать совершенно независимо отъ литературы художественной и поэтической, нисколько не замѣняя ея собою и даже вовсе не становясь во враждебное къ ней отношеніе. Г. Пыпинъ очевидно не понимаетъ что журнализмъ во все не есть усовершенствованная литература, а напротивъ низшее, служебное орудіе общественныхъ интересовъ и потребностей. Мы еще вернемся къ этому недоразумѣнію, а теперь обратимся къ отношеніямъ Пушкинскаго кружка къ Гоголю, какъ ихъ понимаетъ г. Пыпинъ.

Итакъ, Пушкинскій кружокъ остался въ сторонѣ отъ «главнаго теченія литературы» и

отшатнулся отъ Гоголя, замѣтивъ общественное значеніе его произведеній. Стало-быть тенденціи Гоголя представили что-то совсѣмъ новое для старыхъ литературныхъ дѣятелей, совсѣмъ для нихъ чуждое? Стало-быть весь смыслъ Гоголевскихъ произведеній заключался въ либерализмъ новыхъ общественныхъ идей ими высказанныхъ и опредѣлившихъ ихъ противоположность съ Пушкинско «консервативною» литературой?

Нѣтъ, г. Пыпинъ не говоритъ этого; напротивъ, кинувъ нѣсколько уязвленій памяти Пушкина и его друзей, онъ обращается съ тѣми же самыми уязвленіями къ наиболее «общественнымъ» твореніямъ Гоголя. Онъ сѣтуетъ зачѣмъ эти творенія недостаточно обличительны, зачѣмъ Гоголь не тенденціозенъ до степени современныхъ петербургскихъ журналистовъ. Онъ приводитъ къ себѣ на помощь автора одной забытой критической статьи и говоритъ его словами. «Его (Гоголя) поражало безобразіе фактовъ, и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью

жизни въ которой встрѣчаются эти факты и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточничествѣ, и больше ничего; ему не приходило въ голову понятіе безправности и т. п.» Затѣмъ указывается на превосходство г. Щедрина надъ Гоголемъ, и пр. Но если Гоголь «творилъ безсознательно», если его сатира не восходила до критики общественныхъ явленій, господствовавшей системы, то чѣмъ же идеи его отличались отъ идей Пушкинскаго круга, и зачѣмъ, во имя чего могли отшатнуться Пушкинскіе друзья отъ общественныхъ твореній Гоголя? Очевидно, здѣсь противорѣчіе, происходящее изъ того же самага недоразумѣнія на которое мы указывали выше.

Главный обвинительный пунктъ выстав-
ляемый г. Пыпинымъ противъ Пушкинскаго
кружка заключается въ особенномъ будто бы
сочувствіи съ какимъ этотъ кружокъ отнесся
къ «Перепискѣ съ друзьями». Авторъ «харак-
теристикъ» настойчиво повторяетъ что къ
сочиненію этой книги Гоголь былъ подтолк-
нутъ друзьями, что друзья эти были приведе-
ны въ восторгъ идеями и даже тономъ «Пере-
писки». Такія увѣренія опять голословны, и
опять не понято дѣйствительное значеніе
«Переписки». Г. Пыпинъ ссылается на выска-
занныя вскользь мнѣнія Жуковскаго и Плет-
нева, да на статью кн. Вяземскаго, взглянув-
шаго на «Переписку» какъ на переломъ въ
дѣятельности Гоголя. Вотъ какъ излагаетъ
содержаніе статьи кн. Вяземскаго г. Пыпинъ.
«Она была нужна – говоритъ критикъ сло-
вами самого Гоголя (замѣтьте сознаніе г. Пы-
пина что кн. Вяземскій выражалъ мнѣніе са-
мого Гоголя). Это лучшая похвала книгѣ. Такъ
нуженъ былъ *переломъ*. Переломъ этотъ
тѣмъ полезнѣе что противодѣйствіе истекло
изъ той же силы которая *неволью*, но не
менѣе того, всеувлекательнымъ

стремленіемъ, дала пагубное направленіе.» Что же говоритъ это мѣсто изъ статьи кн. Вяземскаго? на какой переломъ здѣсь указывается? Еслибы г. Пыпинъ далъ себѣ трудъ ознакомиться съ журналистикой того времени, сообразить большую часть критическихъ отзывовъ появлявшихся въ тогдашней литературѣ о первыхъ произведеніяхъ Гоголя, онъ догадался бы что дѣло шло объ отношеніяхъ Гоголя къ русской жизни какъ художника, а вовсе не о его политическихъ мнѣніяхъ, которыхъ онъ никогда не заявлялъ и о которыхъ въ то время меньше всего думали. Еслибы г. Пыпинъ былъ ближе знакомъ съ журналами и альманахами тридцатыхъ годовъ, онъ зналъ бы что Гоголя упрекали преимущественно за отрицательное отношеніе къ русскимъ типамъ, за исканіе въ русскомъ человѣкѣ пошлости и низости; ему ставили на видъ что русская жизнь создаетъ не одни только отрицательные типы, не и положительные; за него боялись что если слѣдующіе томы *Мертвыхъ душъ* представятъ такую же серію дураковъ и негодяевъ, то художественное равновѣсіе поэмы будетъ нарушено, и

впечатлѣніе получится столько же безотрад-
ное, сколько и невѣрное. Изъ этихъ конечно
упрековъ, а не изъ чего другаго, возникла у
Гоголя мысль вывести во второмъ томѣ
Мертвыхъ душъ положительные типы и,
между прочимъ, знаменитый «перлъ
созданія» – Улиньку. Пушкинскій кружокъ за-
блуждался, считая подобные типы въ талантѣ
Гоголя, и не понявъ что этотъ талантъ по са-
мой природѣ своей односторонень и совер-
шенно чуждъ идеализаціи; но смѣшно было
бы видѣть за эту вполне естественною
ошибкой заднюю мысль – направить Гоголя
къ прославленію господствовавшей систе-
мы и увѣнчанію общественнаго зла. Что
гражданскія мысли выраженные Гоголемъ въ
его «Перепискъ» стояли для Пушкинскаго
кружка на второмъ планѣ явствуетъ изъ того
что никто изъ этого кружка никогда не брал-
ся за выраженіе однородныхъ идей, и если
подобныя идеи были когда-нибудь заявлены
въ смыслѣ литературнаго направленія, то въ
этомъ можно признать повинными москов-
скихъ славянофиловъ, а ужъ никакъ не
Пушкинскій кружокъ, состоявшій тогда глав-

нымъ образомъ изъ Жуковскаго, Плетнева, кн. Вяземскаго и отчасти М. П. Погодина. Изъ самой статьи кн. Вяземскаго не трудно убѣдиться что «Перепиской съ друзьями» пушкинскій кружокъ желалъ преимущественно воспользоваться какъ орудіемъ противъ крайностей журнализма, поставившаго свои маленькіе интересы какъ бы противовѣсіемъ серіозной художественной литературѣ. «Въ нѣкоторыхъ журналахъ – говоритъ кн. Вяземскій – имя Гоголя сдѣлалось альфою и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей многіе непризнанные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ. Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. Такимъ образомъ съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. На его душу и отвѣтственность, обращали всѣ грѣхи коими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было неоду-

маться, не оглядѣться? Какъ писателю честному не осыпать главы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества устроеннаго непризванными и непризнанными руками? Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ. Теперь, оторопѣвъ, они не знаютъ за что и принятыя. Конечно, положеніе ихъ непріятно и забавно» и т. д. Не ясно ли что кн. Вяземскій воспользовался «Перепиской» Гоголя для того чтобъ нанести ударъ новому явленію, которое мы назвали журнализмомъ, и тендеація котораго заключалась въ подчиненіи строгихъ интересовъ литературы переходящимъ задачамъ дня? Не ясно ли что вся статья имѣетъ полемическую цѣль и направлена противъ притязаній Полеваго и Бѣлинскаго, въ хлопотливой работѣ которыхъ Пушкинскіе друзья разглядѣли нача-

ло того паденія мыслей, вкусовъ и литературныхъ требованій, какое продолжается до сихъ поръ, и однимъ изъ представителей котораго въ наши дни является г. Пыпинъ?

Борьба литературы съ журнализмомъ, съ закваской летучихъ, маленькихъ идей, поражаемыхъ полуобразованностью, самоувѣренностью и жаждою успѣха, ведетъ начало еще отъ Пушкинскихъ временъ. Извѣстно что великій поэтъ уже чувствовалъ вторженіе этихъ идеекъ въ печать, и первоначально мысль о серіозномъ журналѣ явилась у него вслѣдствіе сознанія что обязанность настоящей литературы — противодѣйствовать всѣми силами этому началу конца, то-есть первымъ симптомамъ литературнаго паденія. Вотъ что находимъ мы объ этомъ въ извѣстныхъ «матеріалахъ» П. В. Анненкова. «Причины основанія этого журнала, или обзрѣнія, какъ называлъ его Пушкинъ, должно прежде всего искать въ противодѣйствіи тому насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который высказался въ послѣднихъ годахъ, и поддерживаемый съ остроуміемъ и

замѣчательною діалектическою ловкостью, имѣлъ сильное вліяніе, особенно на людей полуобразованныхъ, изъ которыхъ вездѣ и состоитъ большинство читателей. Пушкинъ думалъ, вмѣстѣ со многими изъ друзей своихъ, что несмотря на безобразіе многихъ отдѣльныхъ явленій, литература наша въ общности всегда была сильнымъ орудіемъ образованности, что легкое, постоянно шутовское обращеніе съ ней лишено и основанія, и цѣли, если не полагать цѣль въ доставленіи одной забавы праздному чтенію. Симптомы литературнаго паденія, близость пониженія уровня слѣдовательно чувствовались еще при жизни Пушкина. Съ годами результаты вторженія въ печать идей и стремленій полуобразованности сказывались сильнѣе и сильнѣе. Въ 1845 году одинъ изъ друзей Жуковскаго уже писалъ ему. «Маленькое число тѣхъ людей съ которыми я бывалъ у васъ теперь странно разрознилось. Нѣтъ общей любви, общаго интереса и общей цѣли. Однихъ охолодило чувство глубокаго презрѣнія къ господствующимъ идеямъ въ кругахъ литературныхъ. Другіе, недостойно увлекшись со-

блазномъ корысти, невольно отталкиваютъ отъ себя каждое несовременное сердце. Третьи какъ золотыя тельцы стоятъ на своемъ подножіи – боги для упавшихъ предъ ними, болваны для не язычниковъ. Нѣтъ Моисея и нѣтъ религіи. Я увѣренъ что и Вяземскій испытываетъ ощущенія отъ которыхъ я часто задыхаюсь.» Кто, прочитавъ эти исполненныя благородной скорби строки, не почувствуетъ что борьба шла не между консерватизмомъ и новаторствомъ, а между талантомъ и просвѣщеніемъ съ одной стороны, и невѣжествомъ съ другой – тѣмъ самымъ журнальнымъ невѣжествомъ изъ котораго вышелъ въ шестидесятыхъ годахъ пресловутый нигилизмъ? Условія борьбы и понынѣ сохраняются тѣ же...

Приведенныя выдержки изъ статьи г. Пыпина достаточно опредѣляютъ тотъ идеаль во имя котораго въ нашей современной журналистикѣ совершается, съ достойнымъ лучшаго дѣла усердіемъ, такъ-называемое «развѣнчаніе» и «низведеніе съ пьедесталовъ» старыхъ литературныхъ дѣятелей. Что этотъ идеаль вовсе не въ общественныхъ

задачахъ, что лучшіе русскіе художники осмѣиваются рачителями нынѣшняго журнализма вовсе не за равнодушіе ихъ къ этимъ общественнымъ задачамъ — доказательствомъ служатъ собственныя отношенія г. Пыпина къ Гоголю. Еслибъ дѣло шло только объ общественныхъ задачахъ, еслибъ г. Пыпинъ боролся противъ художественнаго индифферентизма, онъ не сдѣлалъ бы Гоголю приведенныхъ выше упрековъ въ непониманіи общественного зла и недостаткѣ гражданскаго чувства. Онъ самъ признаетъ въ *Мертвыхъ душахъ* и въ *Ревизорѣ* огромное общественное значеніе: въ этомъ смыслѣ противопоставляетъ Гоголя Пушкину; тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ онъ не доволенъ и *Мертвыми душами*, и *Ревизоромъ* — отчего? Оттого что не находитъ въ нихъ *тенденціозности*, свойственной журнальной работѣ — другими словами, осуждаетъ литературу во имя журнализма. Негодование возбужденное въ г. Пыпинѣ письмомъ Гоголя о презрѣнныхъ журнальныхъ дрязгахъ съ полною достовѣрностію убѣждаетъ насъ въ томъ.

Конечно, петербургскій журнализмъ тща-

тельно избѣгаетъ назвать этотъ идеаль его собственнымъ именемъ. Мы не найдемъ этого имени въ нашей періодической печати, тогда какъ въ ней очень много толкуется о необходимости чтобы литература стояла въ близкомъ соприкосновеніи съ жизнью, чтобъ она не чуждалась общественныхъ заботъ и интересовъ, такъ что люди неопытные могутъ подумать что художественная литература, литература Пушкинская, есть въ самомъ дѣлѣ порожденіе какого-то мертваго духа, удаленнаго отъ всякаго вліянія жизни. Извѣстно стихотвореніе Пушкина, въ которомъ поэтъ говоритъ къ черни.

*Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?*

.....
*Не для житейскаго волненья.
Не для корысти. Не для битвъ, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.*

Это стихотвореніе терзается на всѣ лады, какъ неопровержимая улика Пушкинскаго индифферентизма, и бросается въ видѣ упрека всей литературѣ мало-мальски претендую-

щей на художественность. «Искусство для искусства» – ненавистный принципъ, обязательно навязываемый журналистикой какъ Пушкину, такъ и всей литературѣ сохраняющей художественныя преданія великаго учителя – сдѣлался въ нашей печати какимъ-то пугаломъ, какою-то позорною уликой, предъ которою смолкають всякія оправданія, и никому даже не приходитъ на мысль спросить дѣйствительно ли Пушкинъ и его школа были жрецами «искусства для искусства».

Это опять одно изъ тѣхъ накопившихся въ нашей печати недоразумѣній, которыя мѣшаютъ ясно понимать вещи и вѣрно относиться къ текущимъ литературнымъ явленіямъ. Постараемся объяснить себѣ откуда исходитъ это недоразумѣніе, и для этого приведемъ изъ статьи г. Пыпиня мѣсто формулирующее его главное обвиненіе противъ Пушкина.

«Кружокъ Пушкина составлялъ въ литературѣ тридцатыхъ годовъ особую категорію, которая мало сближалась съ другими литературными кругами. Главнѣйшіе его представители: Жуковскій и Пушкинъ, пользовались

всѣмъ авторитетомъ своей славы, который и служилъ знамеаемъ для ихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ сподвижниковъ. Еще со второй половины двадцатыхъ годовъ этотъ кругъ сплотился въ прочно-связанное, почти замкнутое общество, со своимъ эстетическимъ и общественнымъ кодексомъ.

«Въ этомъ кругѣ уцѣлѣвшіе остатки «Арзамаса» соединялись съ болѣе молодыми представителями Пушкинскаго романтизма. Изъ «Арзамаса» перешель сюда взглядъ на литературу какъ на отвлеченное художество, взглядъ приводившій въ концѣ концовъ къ полному удаленію литературы отъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Пушкинъ не даромъ заявлялъ свое пренебреженіе къ «черни», то-есть къ обществу, которое вздумало бы ждать отъ литературы какого-нибудь живаго участія къ своимъ нравственнымъ интересамъ, а не одного зрѣлища жертвоприношеній Аполлону, и высококомѣрно выдѣлялъ привилегію поэта быть рожденнымъ для вдохновенія и сладкихъ звуковъ, далекихъ отъ «житейскаго волненія» и къ нему безучастныхъ.

«Съ этимъ понятіемъ о поэзи, удаляемой отъ «черни», естественно соединился тѣсно-консервативный взглядъ въ предметахъ общественныхъ. Удаляясь отъ дѣйствительности, эта литература переставала и понимать ее. Взглядъ кружка и здѣсь развивалъ преданія «Арзамаса»; легкой оттенокъ либерализма, сохранившійся въ виду Шишковскаго старовѣрства и партіи классиковъ, теперь почти исчезъ; затѣмъ по предметамъ общественнымъ мнѣнія кружка состояли въ апотеозѣ господствовавшаго положенія вещей. Жуковскій держался издавна этой точки зрѣнія; у Пушкина съ половины двадцатыхъ годовъ выдохлись всѣ остатки прежняго либерализма, и наконецъ офиціальная народность нашла въ немъ своего преданнаго пѣвца.

«Когда въ дѣятельности Пушкина настала пора чисто художественнаго творчества», говоритъ г. Пыпинъ, нѣсколько далѣе, «интересъ общественный сталъ для него довольно безразличенъ; это обстоятельство, которое ставили въ связь съ его новыми отношеніями въ высшихъ сферахъ, начало охлаждать

прежнее горячее сочувствіе къ нему въ той части публики которая искала въ литературѣ нравственно-общественнаго смысла.»

Обвиненіе, такимъ образомъ, формулировано хотя не вполне опредѣленно, но весьма ловко. Тутъ и намекъ на презрѣніе поэта къ толпѣ, и намекъ на измѣну прежнимъ убѣжденіямъ, «въ связи съ новыми отношеніями въ высшихъ сферахъ», и указаніе на охладѣвшее въ послѣдніе годы Пушкина сочувствіе къ нему публики; ссылки даны такимъ образомъ на обстоятельства всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныя, въ томъ простомъ разчетѣ что вѣрность ссылокъ замаскируетъ важность освѣщенія даннаго обвинительнымъ актомъ. Кто напримѣръ не знаетъ что сочувствіе публики къ поэзіи Пушкина значительно охладѣло въ концѣ поприща поэта? На это жаловался самъ Пушкинъ въ письмахъ къ друзьямъ, исполненныхъ грусти и разочарованія. Но источникъ этого охлажденія лежалъ конечно не тамъ гдѣ полагаетъ его г. Пыпинъ. Достаточно обратиться къ «Матеріаламъ» П. В. Анненкова чтобы убѣдиться что обаяніе поэта на современ-

никовъ ослабѣвало по мѣрѣ того какъ
крѣпчалъ его талантъ и какъ поэтъ отъ лег-
кихъ, доступныхъ массѣ задачъ переходилъ
къ зрѣлому, возмужалому творчеству. Уже
Евгеній Онегинъ понравился массѣ читателей
менѣе чѣмъ *Кавказскій плѣнникъ* или
Бахчасарайскій фонтанъ, а *Борисъ Годуновъ* и
Полтава не были совсѣмъ оцѣнены публи-
кой. Поэтъ не обманывалъ себя на счетъ этого
обстоятельства и предвидѣлъ неуспѣхъ *Бори-
са Годунова*, объ этомъ свидѣтельствуютъ
замѣтки на французскомъ языкѣ, которыя
онъ предполагалъ разработать для
предисловія къ своей трагедіи. «Публика и
критика», говоритъ онъ въ этихъ замѣткахъ,
«принявшія мои первые опыты съ живымъ
снисхожденіемъ, и притомъ въ такое время
когда строгость и недоброжелательство от-
вратили бы меня вѣроятно навсегда отъ по-
прища мною избираемаго, заслуживаютъ
полной моей признательности: онѣ расплати-
лись со мною совершенно. Съ этой минуты
ихъ строгость или равнодушіе уже не могутъ
имѣть вліянія на труды мои. Я выступаю съ
новыми приѣмами въ созданіи. Не имѣя болѣе

надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ до-селѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодар-ность за все то расположеніе съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ продолженіи десяти лѣтъ моей жизни.» Таки-мъ образомъ Пушкинъ самъ далъ намъ ключъ къ разумѣнію источника того разлада ко-торый образовался между нимъ и публикой съ тѣхъ поръ какъ отъ легкихъ, полуподража-тельныхъ и доступныхъ массъ опытовъ онъ перешелъ къ зрѣлому и строгому творческо-му труду. Послѣ этого какъ не улыбнуться на завѣренія г. Пыпина будто охлажденіе къ Пушкину проявилось въ той части публики которая искала въ литературѣ нравствен-но-общественнаго смысла?

Такую же фальшь не трудно усмотрѣть и въ томъ употребленіи какое дѣлаетъ г. Пыпинъ (впрочемъ повторяя лишь весьма не но-вую уловку) изъ стихотворенія Пушкина

Чернь. Понятно что стихотвореніе это, такъ много послужившее въ рукахъ недоброжелателей великаго поэта, вовсе не имѣеть значенія авторской profession de foi, которое всячески старались придать ему. Поэтъ оставившій намъ столько капитальныхъ созданій своего творческаго духа не имѣеть надобности въ прагматическомъ изложеніи своихъ идей и взглядовъ, эти идеи и взгляды живутъ въ его произведеніяхъ, находящихся у каждаго на лицо. Пушкинъ могъ въ отдѣльномъ стихотвореніи объяснить свое понятіе о поэтѣ какъ служитель Аполлона, и въ то же время въ собственной дѣятельности отступать отъ этого идеала, хотя бы по той простой причинѣ что онъ чувствовалъ въ себѣ не только поэта, но и писателя въ болѣе общемъ значеніи, и даже журналиста. Выше мы указывали на жизненные, воспитательныя задачи руководившія Пушкинымъ при основаніи *Современника*; одно это обстоятельство достаточно свидѣтельствуеетъ что поэтъ, носивъ душѣ своей идеаль жреца Аполлона, въ то же время далеко не чуждался «житейскаго волненья» и «битвъ», и сознавалъ

что выраженный имъ въ піесѣ *Чернь* идеаль не подходитъ безусловно ко всякой эпохѣ и ко всякому народу. Г. Пыпинъ самъ очевидно различаетъ разницу въ понятіяхъ о поэтѣ и писателѣ вообще, хотя въ своей статьѣ намѣренно спутываетъ эти представленія. «Пушкинъ», говоритъ онъ, «недаромъ заявлялъ свое пренебреженіе къ «черни», то-есть къ обществу которое вздумало бы ждать отъ литературы какого-нибудь живаго участія къ своимъ нравственнымъ интересамъ» и пр. Здѣсь *чернь* весьма произвольно замѣнена *обществомъ*, а *поэзія* – *литературой*, хотя каждый знаетъ что эти понятія далеко не синонимы. Для непредвзятаго же сужденія совершенно ясно что Пушкинъ разумѣлъ подъ «чернью» ту необразованную толпу которая восхищалась *Кавказскимъ плѣнникомъ* и отвернулась отъ *Бориса Годунова*, и опять нельзя не улыбнуться при мысли что этой толпѣ г. Пыпинъ приписываетъ ожиданіе «отъ литературы какого-нибудь живаго участія къ своимъ нравственнымъ интересамъ» – какъ будто эти нравственные интересы были болѣе выдвинуты въ *Кавказскомъ плѣнникѣ* или въ

Русланъ и Людмилъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ созданіяхъ великаго поэта!

«Когда въ дѣятельности Пушкина», говоритъ г. Пыпинъ въ вышеприведенной выдержкѣ изъ его статьи, «настала пора чисто-художественнаго творчества, интересъ общественный сталъ для него довольно безразличенъ.» Вотъ альфа и омега тѣхъ лицемѣрныхъ обвиненій съ которыми обращается къ памяти поэта петербургскій журнализмъ! На чемъ однако основано это обвиненіе? Открываемъ томъ лирическихъ стихотвореній Пушкина, и что же мы находимъ тамъ подъ 1836 годомъ, послѣднимъ годомъ его поэтической дѣятельности? стихотворенія: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу» и «Когда великое свершилось торжество», то-есть именно тѣ піесы въ которыхъ съ особою силой сказались у Пушкина мотивы не усматриваемые г. Пыпинымъ и предъ которыми самыя излюбленныя стихотворенія позднѣйшихъ «гражданскихъ» поэтовъ кажутся чемъ-то очень жиденькимъ и слабенькимъ. Еслибы современная критика отличалась хотя маленькимъ художественнымъ чу-

тѣмъ, она догадалась бы что вся поэзія г. Некрасова вышла изъ этихъ мощныхъ произведеній Пушкина, никогда однако не сравнившись съ ними не только въ поэтическомъ, но даже въ гражданскомъ отношеніи. Просимъ у читателей позволенія напомнить слѣдующія поразительныя по силѣ и металлической сжатости Пушкинскія строки.

*Но у подножія теперь Креста
Честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя
градскаго,
Мы зримъ – поставлено на мѣсто
женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверъ два грозныхъ
часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, храни-
тельная стража?
Или распятіе – казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ или мышей?
Иль мните важности придать
Царю царей?
Иль покровительствомъ спасае-
те могучимъ
Владыку терніемъ вѣнчаннаго ко-
лючимъ.
Христа, предавшаго послушно*

плоть Свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и
копію?
Иль опасаетесь чтобъ чернь не
оскорбила
Того чья казнь весь родъ Адамовъ
искупила?
Иль чтобъ не потѣснить гуляю-
щихъ господъ,
Пускать не вельно сюда простой
народъ?

Пусть читатель дастъ себѣ трудъ сравнить эти мощныя строки съ наиболее «гражданскими» стихами г. Некрасова, и упрекъ Пушкину за удаленіе отъ «житейскихъ волненій» и «битвъ» падаетъ самъ собою, если мы тща-тельно отдѣлимъ гражданскій элементъ поэзіи отъ мелкой журнальной тенденціозности. Разница Пушкинскихъ общественныхъ идей отъ современныхъ заключается въ томъ что въ первыхъ художе-ственная и гражданская стороны органически слиты, тогда какъ въ послѣднихъ тема ищется внѣ поэзіи, и поэтическая форма притягивается такъ-сказать за волоса.

Напомнимъ кстати и другое стихотвореніе

Пушкина, которому г. Некрасовъ не разъ подражалъ въ тонѣ и даже въ архитектурѣ, всегда оставаясь безконечно позади первообраза.

*Когда за городомъ задумчивъ я
брожу
И на публичное кладбище захожу*

*Рѣшетки, столбики, нарядныя
гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы
столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненныя
кругомъ.
Какъ гости жадныя за нищенски-
мъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ
мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпныя затѣи!);
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ
стихахъ
О добродѣтели, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачь
амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя
урны.
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ.
Которыя жильцовъ къ себѣ на*

*утро ждутьъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все на-
водитъ.
Что злое на меня уныніе нахо-
дитъ.
Хоть плюнуть да бежать.
Но какъ же любо имъ
Осеннею порой, въ вечерней ти-
шинѣ
Въ деревнѣ посѣщать кладбищъ
родовое, и т. д.*

Надо быть совершенно лишеннымъ критической и художественной чуткости чтобъ не понять насколько высоко-человѣческая мысль этого стихотворенія, искаженная въ послѣдствіи варіаціями и подражаніями такъ-называемыхъ «гражданскихъ» поэтовъ, выражена Пушкинымъ не только сильнѣе, антологичнѣе, но даже именно *человѣчнѣе* и *гражданственнѣе* всѣхъ позднѣйшихъ поддѣлокъ подъ Пушкинскую тему. И эти стихотворенія вылились изъ-подъ пера поэта въ послѣдній годъ его жизни, именно тогда когда, по увѣренію г. Пыпина, «интересъ общественный сталъ для него довольно безразличенъ». Правда, этимъ же послѣднимъ годо-

мъ помѣчено и другое стихотвореніе Пушкина, на которое недоброжелатели его могли бы указать какъ на выраженіе гражданскаго индифферентизма, именно.

*Не дорого цѣю я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали
боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать
налоги,
Или мѣшать.... другъ съ другомъ
воевать, и пр.*

Но поэтъ какъ бы заранѣе защищаетъ себя отъ лицемѣрнаго нареканія въ индифферентизмъ, продолжая такими многознаменательными строками.

*Все это, видите-ль, слова, слова,
слова!
Иныя, лучшія, мнѣ дороги права,
Иная, лучшая, потребна мнѣ свобода....
Зависть отъ властей, зависть отъ народа —
Не все ли намъ равно? Богъ съ нами.... Никому*

*Отчета не давать, себѣ лишь одному
Служить и угождать; для власти,
для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ,
ни шеи...*

Многознаменательность этихъ словъ вѣроятно не укрылась отъ внимательныхъ нашихъ прогрессистовъ во имя журнализма, и потому-то, сколько мы помнимъ, въ печати они постоянно воздерживались отъ указанія на это стихотвореніе, или выписывали только начальныя строки его, составляющія лишь первую посылку темы.

Итакъ мы видимъ что самыя глубокія, человѣчныя темы даны русской поэзіи Пушкинымъ, и что онъ какъ первообразъ выше всего написаннаго въ этомъ направленіи позднѣе, не въ одномъ только художественномъ отношеніи, но и въ отношеніи чисто гражданскомъ. Припомнивъ приведенные выше стихи Пушкина и сравнивъ ихъ на примѣръ съ лучшими, удачнѣйшими произведеніями г. Некрасова, мы убѣдимся что послѣдніе обязаны своимъ

происхожденіемъ Пушкину, у котораго они заимствовали и тонъ, и структуру стиха и даже то стремленіе къ металлической сжатости и упругости которое такъ совершенно выработалось у Пушкина и такъ мало удается современнымъ поэтамъ.

Послѣ этихъ наблюденій надъ поэзіей Пушкина смѣшно становится когда журнализмъ нашихъ дней бросаетъ этой поэзіи, въ видѣ всепобѣждающей улики, принципъ «искусства для искусства», которому она будто бы слѣдовала. Еще смѣшнѣе когда это отрѣшеніе отъ жизни проглядываютъ въ юношескихъ созданіяхъ поэта, и находятъ во второмъ періодѣ его дѣятельности, то-есть именно тогда когда поэтъ овладѣлъ высшими требованіями искусства и создалъ свои самыя жизненные и самыя вѣчныя, словно изъ бронзы отлитыя творенія. Пыпинская критика была бы гораздо послѣдовательнѣе и вѣрнѣе самой себѣ еслибъ она упрекнула въ недостаточномъ проникновеніи жизнью и дѣйствительностью такія произведенія какъ *Русланъ и Людмила*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыгане*. Съ *Евгенія*

Онегина Пушкинъ овладѣваетъ высшею тайной искусства и главною художественною задачей — воспроизведеніемъ идеаловъ, стремленій и заблужденій современной дѣйствительности. Во всей русской литературѣ едва-ли отыщется произведеніе до такой степени отразившее въ себѣ современную жизнь во всемъ ея объемѣ и въ самыхъ глубокихъ ея извилинахъ какъ *Евгеніи Онегинъ*. Историческая критика положила много труда чтобъ объяснить этотъ удивительный романъ, и все-таки многого еще не сдѣлала, можетъ-быть отъ того что разсматривала этотъ романъ безъ достаточно тѣсной связи съ другимъ произведеніемъ, появившимся лишь немного раньше — съ Грибоѣдовскимъ *Горю отъ ума*. Между тѣмъ правильная установка этихъ произведеній въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу должна много пояснить относительно ихъ историческаго и общественаго значенія. Не даромъ Чацкій предшествовалъ Онегину. Онъ предшествовалъ ему и въ самой жизни, потому что Онегинъ какъ представитель политическаго и гражданскаго міросозерцанія есть тотъ же

Чацкій, но надъ которымъ прошумѣла гроза 1825–1826 годовъ. Постараемся яснѣе выразить нашу мысль.

Наполеоновскими войнами данъ былъ чувствительный толчокъ нашему общественному развитію. Долговременное пребываніе нашихъ войскъ за границую поставило ихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ европейскою жизнью, въ которой тогда еще цвѣли полнымъ цвѣтомъ порядки созданные революціоннымъ движеніемъ. Знакомство съ этими порядками не могло не вызвать въ умахъ искушенія сравнить ихъ съ отечественными, и такое сравненіе во многихъ отношеніяхъ оказывалось не въ пользу послѣднихъ. Новыя понятія, проникнувшія чрезъ побывавшихъ за границей офицеровъ въ общество, создавали въ немъ новыя требованія, которымъ русская жизнь не могла удовлетворить. Сравненіе естественно пораждаеть критику, критика – недовольство существующимъ ходомъ вещей, отсталостью той жизни въ которую возвращались изъ-за границы наши образованные люди. Подъ этими условіями слагалось то недовольство рус-

скою жизнью и тѣ упованія которыя сообщили такую юношескую горячность Чацкому. О Чацкомъ можно сказать что онъ вполнѣ взлеянь впечатлѣніями заграничной жизни того времени и ея рѣзкими контрастами съ русскими порядками; не даромъ попадаетъ онъ на балъ «съ корабля», недаромъ каждое пустое обстоятельство, каждое малѣйшее соприкосновеніе съ московскою жизнью вырываетъ изъ устъ его цѣлыя тирады о нашей косности и отсталости; онъ идетъ на встрѣчу плывущимъ на него явленіямъ русской жизни, которыя наконецъ потопляютъ его. Что его убѣжденія и возрѣнія не имѣютъ въ себѣ ничего личнаго, а отражаютъ только идеи и возрѣнія весьма многочисленнаго общественнаго слоя, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться послѣ обнаруженія многихъ матеріаловъ касающихся дѣятельности тайныхъ обществъ въ Россіи двадцатыхъ годовъ. Слова Чацкаго – энергическій отголосокъ того что говорилось на сходкахъ и въ засѣданіяхъ будущихъ декабристовъ. Онъ раздѣляетъ ихъ чувства недовольства, ихъ мечтательныя упованія въ возможность и необходимость

бороться нравственными средствами съ различными сторонами зла, которое чутко видѣло ихъ привыкшее къ европейскимъ порядкамъ зрѣніе. Отсюда чрезвычайная горячность Чацкаго, его энергическая рѣчь, его готовность къ порыву, къ увлеченію.

Люди подобные Чацкому составляли однако-же меньшинство въ образованномъ обществѣ того времени, а послѣ событій 1825–1826 они совсѣмъ исчезаютъ со сцены. Большинство же хотя сознаетъ крайнюю отсталость и узкую замкнутость русской жизни, хотя томится смутнымъ чувствомъ неудовлетворенности и недовольства, но не находитъ въ себѣ ни упованій, ни нравственной энергіи. Это большинство скорбитъ, томится, но не вѣритъ ни въ какое дѣло, не видитъ никакого вольнаго выхода. Спертыя и подавленные силы или вянутъ въ безразличныхъ впечатлѣніяхъ свѣтской жизни, или уходятъ – одни въ мистицизмъ и піэтизмъ, подобно извѣстному Печорину, другіе въ философское отрицаніе русской жизни, подобно Чаадаеву, третьи наконецъ въ необузданный, полудикій разгулъ, подобно тѣмъ несчастны-

мъ натурамъ которыя вскользь, но мастерски показаны гр. Л. Н. Толстымъ въ нѣкоторыхъ главахъ *Войны и Мира*.

Онѣгинъ не находитъ ни одного изъ этихъ выходовъ, онъ, какъ мы сказали, вянетъ въ безразличныхъ впечатлѣнiяхъ свѣтской жизни. Разочарованiе которое самъ Пушкинъ не вполне ясно понималъ въ немъ и которое приписали чтенiю Байрона, является у него вполне готовымъ результатомъ историческихъ обстоятельствъ. У него нѣтъ тѣхъ упованiй которыя придають столько юношеской энергiи Чацкому, есть только скорбное, глухое сознание косности жизни среди которой ему предстоитъ влачить свои дни, безъ надежды и безъ выхода. Положенiе глубоко-трагическое, потому что событiя оправдали эту натуру безъ упованiй и насмѣялись надъ юношескими порывами Чацкаго. Онѣгинъ былъ умнѣе и несчастнѣе.

Установивъ эту точку зрѣнiя, мы должны признать Онѣгина типомъ чрезвычайно жизненнымъ, историческимъ продуктомъ русской общественности двадцатыхъ годовъ. Онъ такимъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Если мы

представимъ себѣ образованнаго русскаго
человѣка того времени, воспитаннаго на ино-
странный ладъ и поставленнаго обществен-
ными условіями въ совершенный разрѣзъ съ
русскою жизнію, мы не увидимъ надобности
прибѣгать къ Байрону за объясненіемъ того
скорбнаго, вялаго разочарованія, которое со-
ставляетъ главный признакъ людей подоб-
ныхъ Онѣгину. Байронъ только помогъ Пуш-
кину поэтически овладѣть разочарованіемъ,
какъ мотивомъ, и сообщить этому
разочарованію большую сознательность; но
самый матеріалъ былъ созданъ вполне
условіями русской жизни. Поэтому мы были
въ правѣ сказать что во всей русской литера-
турѣ едва ли найдется другое произведеніе въ
такой мѣрѣ отразившее въ себѣ внутренній
смыслъ современной дѣйствительности и
воспроизведшее художественно извѣстный
моментъ нашего умственнаго и обществен-
наго развитія. Страданіе и нравственное
безсиліе, безволіе Онѣгина, его ненормаль-
ныя отношенія къ болѣе глубокимъ слоямъ
русской жизни, искаженная драма его люб-
ви – все это скорбный отголосокъ ненормаль-

ныхъ отношеній созданныхъ у насъ искусственною, прививною цивилизаціей и крайнею суженностью общественной среды. Можно сказать что если разочарованіе Байроновскихъ героевъ было капризомъ пресыщенія, то нравственныя страданія нашихъ Чайльд-Гарольдовъ исходили прямо изъ историческихъ условій нашей жизни.

Поэтъ проникшій во глубину жизни, отразившій въ своихъ созданіяхъ дѣйствительный недугъ своего времени и своего народа конечно представилъ намъ нѣчто болѣе и жизненнѣе безпечальныхъ жертвоприношеній Аполлону. Только тупость или преднамѣренность могутъ не намѣчать въ поэзіи Пушкина живаго, чуткаго нерва, приводившаго поэта въ соприкосновеніе съ недугами общества и давашаго ему уразумѣть фальшь того искусственнаго развитія въ которомъ коснѣло это общество до самаго послѣдняго времени, когда рядъ органическихъ реформъ вызвалъ къ дѣятельности его живыя земскія силы. Смыслъ поэзіи Пушкина – та самая скорбь о русской жизни которая продиктовала Лер-

монтову его замѣчательное стихотвореніе.

*Печально я гляжу на наше
поколѣнье....*

Разница въ томъ что сильную, художественную натуру Пушкина никогда не покидало свѣтлое, бодрящее чувство, воспитанное въ немъ болѣе благопріятными условіями эпохи которой принадлежали его дѣтство и ранняя молодость. Съ конца двадцатыхъ годовъ эти условія становятся все менѣе благопріятными, и литература слѣдующаго поколѣнія уже утрачиваетъ бодрую, кристальную струю, давшую столько очарованія поэзіи Пушкина. Лермонтовъ уже не былъ свидѣтелемъ тѣхъ упованій которыя одушевляли мыслящихъ русскихъ людей времени Александра I; его лиризмъ воспитался въ скорбномъ настроеніи овладѣвшемъ русскимъ обществомъ послѣ 1826 года, такъ точно какъ сатира Гоголя воспиталась на окончательномъ торжествѣ мрачныхъ сторонъ русской жизни пророчески предвидѣнномъ «думою» Лермонтова.

Послѣ всего сказаннаго не трудно оцѣнить

по достоинству тѣ упреки съ которыми современный журнализмъ обращается къ нашимъ литературнымъ силамъ прежнихъ поколѣній. Очевидно что мнимое служеніе Пушкина «искусству для искусства», его мнимое презрѣніе къ обществу, его разрывъ съ этимъ обществомъ, будто бы возникшій изъ-за отсутствія въ его поэзіи нравственныхъ интересовъ, — все это слова, слова, слова, прикрывающія требованія до того мелкія и узкія что заявить ихъ прямо публицисты въ родѣ г. Пыпина никакъ не рѣшаются.

Наша современная литература не безъ основанія ведетъ свое начало отъ Пушкина. Пѣвецъ *Евгенія Онѣгина* и *Бориса Годунова* указалъ ей высшую задачу въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности, содѣйствуя обществу общественному самосознанію. Мы видѣли что въ *Онѣгинѣ* эта дѣйствительность отразилась не одними внѣшними сторонами своими, но что поэтъ глубоко постигъ внутренній, нравственный недугъ русской жизни и раздѣлялъ съ обществомъ тайную скорбь. Чуткое соприкосновеніе съ этими нравственными

недугами общества и сочувствіе скорбямъ его сдѣлалось удѣломъ послѣдующей литературы. Писатели слѣдовавшіе за Пушкинымъ продолжали дѣло своего учителя. Понимать духовную жизнь русскаго общества, дѣлать съ нимъ его радости и горе, и въ особенности указывать больныя, пораженныя недугомъ явленія жизни – въ этомъ вся задача и все значеніе новой нашей литературы. Не говоря уже о Лермонтовѣ и Гоголѣ, у которыхъ скорбныя ноты приняли совершенно мрачный колоритъ, и позднѣйшая плеяда писателей обнаружили большую чуткость къ такъ-называемымъ болѣзненнымъ явленіямъ русскаго общества. Строгая художественность, сдѣлавшаяся отличительною чертой нашей беллетристики, обратилась къ анализу нашихъ нравственныхъ язвъ, къ діагностикѣ тѣхъ ненормальныхъ явленій которыя продолжали обнаруживаться въ жизни нашихъ образованныхъ классовъ. На этомъ отрицательномъ отношеніи къ нашимъ типамъ и нашему общественному складу сошлись, кромѣ гр. Л. Н. Толстаго, самыя крупныя литературныя дарованія сороковыхъ и пятидеся-

тыхъ годовъ. У г. Тургенева это отрицаніе русской жизни пришло къ анализу нравственнаго безсилія и безволія, которымъ поражены были лучшіе, наиболѣе симпатичные русскіе люди поколѣнія сороковыхъ годовъ (Рудины, Лаврецкіе и пр.) Г. Гончаровъ въ лицѣ Обломова показалъ какимъ образомъ челоѵчнѣйшіе задатки души парализуются привычками лѣниваго барства, составлявшими достояніе нашего крѣпостнаго склада. Г. Писемскій осмѣялъ множество живыхъ чисто-русскихъ типовъ, которые онъ бралъ сначала, подобно Гоголю, въ условіяхъ и обстановкѣ двухъ господствующихъ сторонъ нашей дореформенной жизни, — чиновничества и крѣпостничества, — а въ послѣднее время показалъ отрицательную сторону новаго движенія, уклонившагося отъ своего цивилизующаго пути. Въ то же время гр. Л. Н. Толстой съ необыкновенною силой таланта изобразилъ положительныя явленія русской жизни, которыя онъ нашелъ преимущественно въ болѣе глубокихъ общественныхъ слояхъ, не переболѣвшихъ недугомъ и внѣ привитой образованности.

Гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій и гр. Л. Н. Толстой завершили собою извѣстный литературный періодъ, подобно тому какъ освобожденіе крестьянъ завершило огромный періодъ въ исторіи нашей общественности. Весь этотъ нынѣ уже заверченный періодъ, начавшійся въ литературѣ Пушкинымъ, можно назвать періодомъ борьбы общества со внѣшними стѣсненіями, стѣснявшими его самодѣятельность и отрывавшими его отъ идеаловъ, которые оно видѣло въ жизни свободнаго Запада и къ которымъ стремилось. Съ начала шестидесятихъ годовъ, въ обществѣ начинается новая жизнь, въ литературѣ выступаютъ новыя силы.

Этимъ новымъ силамъ предстоитъ изобразить общество въ борьбѣ съ самимъ собою, съ своею недостаточною состоятельностью къ воспріятію новыхъ началъ. Беллетристика уже откликнулась на эту задачу, и плеяда молодыхъ дарованій съ честью продолжаетъ служеніе общественному самосознанію.

Этотъ небольшой общій обзоръ позднѣйшихъ судебъ нашей литературы мы

сочли необходимымъ для того чтобы показать насколько лицемѣрны увѣренія петербургскаго журнализма будто такъ называемая художественная литература, начавшаяся Пушкинымъ, послѣдовательно развитая Лермонтовымъ, Гоголемъ, беллетристами сороковыхъ годовъ съ г. Тургеневымъ во главѣ и наконецъ современными молодыми дарованіями, — будто бы эта литература, не безъ ироніи называемая художественною, держалась въ сторонѣ отъ общественныхъ задачъ и въ настоящее время исчерпала свое призваніе. Мы видимъ что, напротивъ того, начиная съ Пушкина, эта литература постоянно находилась очень близко къ общественнымъ интересамъ, и служеніе ея было столько же гражданское сколько художественное. Мы видимъ кромѣ того что съ поворотомъ въ нашей общественной жизни задача ея не только не упразднилась, не получила новое значеніе — содѣйствовать нашему самосознанію и воспитанію изображеніемъ общества въ борьбѣ съ самимъ собою, со своими внутренними недугами. Сомнѣваться въ значеніи этой задачи могутъ только тѣ кото-

рые подобно г. Пыпину способны смѣяться надъ Гоголемъ за предпочтеніе отдаваемое имъ *Мертвымъ душамъ* предъ журнальными статьями, и ищутъ въ литературѣ не широкаго художественнаго изображенія всѣхъ сторонъ общественной жизни, а кисло-сладкаго либеральничанья на газетныя темы.

Несмотря на свою молодость, наша литература, благодаря Пушкину, имѣетъ традиціи. Близость къ нравственнымъ интересамъ общества едва ли не главная изъ этихъ традицій. Слѣдя за новыми явленіями художественной беллетристики, не трудно усмотрѣть что въ литературѣ продолжаетъ дѣятельно разрабатываться и развиваться идея художественно-соціального романа, какъ литературной формы къ которой очевидно склоняются вкусы читателей. Современные беллетристы захватываютъ общественный интересъ глубже и шире, чѣмъ это было доступно писателямъ сороковыхъ годовъ. И это понятно, такъ какъ художественная литература наша постоянно черпала содержніе изъ дѣйствительной жизни, и чѣмъ шире раздвинулась эта жизнь, тѣмъ сложнѣе

сдѣлалась задача романа. Такое расширеніе беллетристической задачи можно было бы прослѣдить и въ болѣе позднѣйшихъ произведеніяхъ старыхъ писателей. У г. Тургенева *Наканунѣ* тенденціознѣе *Дворянскаго гнѣзда*, а *Отцы и дѣти* тенденціознѣе *Наканунѣ*. Въ *Дымѣ* тенденціозная сторона уже совсѣмъ подавляетъ художественную, — признакъ что у этого писателя нарушилось равновѣсіе между талантомъ и пониманіемъ новыхъ общественныхъ явленій. Точно также у г. Писемскаго во *Взбаламученномъ морѣ* общественная задача взята гораздо шире чѣмъ въ романѣ *Тысяча душъ*, и у г. Гончарова *Маркушка Волоховъ (Обрывъ)* тенденціознѣе *Обломова*. Въ произведеніяхъ новыхъ писателей, выступившихъ на литературное поприще одновременно съ переворотомъ въ нашей общественной жизни, задачи нашего внутренняго развитія выдвигаются на первый планъ и составляютъ главное содержаніе современнаго романа.

Любопытнѣе всего что общественная сторона новѣйшаго художественнаго романа, по видимому, вполнѣ ускользаетъ отъ вниманія

петербургской критики; по крайней мѣрѣ намъ не случилось встрѣчать рецензій которыя, не ограничиваясь дешевымъ глумленіемъ или завѣдомою ложью, обратили бы вниманіе на соціальную сторону произведеній молодой художественной школы. Въ петербургской печати, напротивъ того, какъ бы на правило принято не замѣчать происходящую въ новой художественной литературѣ разработку общественныхъ задачъ и даже придавать дѣлу такой видъ будто самое присутствіе подобныхъ задачъ въ художественномъ романѣ завѣдомо невозможно. Публику стараются увѣрить будто все то что носить на себѣ печать художественнаго таланта непременно заражено мертвымъ вѣяніемъ «искусства для искусства» и что разработка общественныхъ идей въ беллетристической формѣ доступна только тенденціозно-прогрессивной литературѣ. Продолжать эту игру можно конечно на весьма неопредѣленное время, благо она никому не вредитъ и никого не обманываетъ: публика давно уже перестала вѣрить журнальнымъ отзывамъ, и даже сидѣльцы въ книжны-

хъ лавкахъ хорошо знаютъ что именно тѣ произведенія имѣють наибольшій успѣхъ которыя вызываютъ въ журналистикѣ наиболѣе ожесточенную брань.

Сводя все сказанное, мы полагаемъ что вопросъ которымъ начали мы нашу статью, именно, нужна ли намъ литература, – не принадлежитъ къ числу праздныхъ вопросовъ. Намъ необходимо было пройти черезъ много извилинъ, распутать много недоразумѣній чтобы придти къ элементарному выводу о значеніи и задачѣ художественнаго романа. Тенденціозная печать сумѣла обставить этотъ вопросъ всяческою ложью, противъ которой наша читающая масса не имѣетъ другаго оружія кромѣ сохранившагося въ ней здраваго смысла и художественнаго чутья. Мы должны были восходить къ Пушкину чтобы найти дѣйствительное русло того литературнаго теченія которое публика различаетъ ощупью и которое одно только и имѣетъ право на внимніе критики. Мы видѣли что это движеніе началось Пушкинымъ, указавшимъ ему его задачу, и продолжается до нашихъ дней, сберегая Пушкинскія традиціи и посто-

янно отвѣчая на новыя требованія времени. Мы видѣли что оно сохранило непрерывную связь съ ходомъ нашего общественнаго развитія, захватывало его темныя и свѣтлыя стороны и никогда не чуждалось насущныхъ нравственныхъ и соціальныхъ интересовъ.

Примечания

Кстати о Дюма: у насъ обязательень презрительный отзывъ объ этомъ писатель, искусство котораго задумать и развить интригу романа можетъ считаться образцовымъ.

[^^^]